

Памяти Игоря ТАЛЬКОВА.

В ОЛЕЮ судьбы в августе позапрошлого года я участвовал в съемках фильма режиссера Г. Васильева «Смерть Иоанна Грозного» (первоначальное название «Князь Серебряный») по мотивам романа А. Толстого «Князь Серебряный», в котором главную роль играл мой кумир Игорь Тальков.

Прибыв утром на студию, отметил в актерском отделе. После чего нас направили в костюмерную, а потом в гримерную. Я был занят статистом в массовых сценах. Разделили нас на две группы. 1-я — ратники дружины воеводы князя Серебряного. 2-я — татарский боевой отряд. Меня определили во 2-ю группу (вероятно, нашли во мне что-то татарское). Нам, «татарам», выдали великолепные костюмы: малахаи с лисьим хвостом, ватный расписной халат с кушаком, легкие замшевые сапожки с загнутым острым носком. Навесили на нас оружие: щиты, колчаны со стрелами и луком мечи-ятаганы. Погрузились в мосфильмовский «Икарус». И вот мы в подмосковном поселке Алабино, в мосфильмовской кавалерийской части. В лесу на небольшой поляне разбили лагерь. День стоял солнечный теплый. Припекло. Мы ходили по поляне полураздетые. Загорали. Желаящие фотографировались на память в мосфильмовских костюмах. В ожидании основной актерской группы и главного героя играли в карты, домино, травил анекдоты, рассказывали разные съемочные актерские байки, привирая конечно.

В 17 часов подскочил пропыленный «Жигуль» из которого выскочил Тальков. Девочки — ассистенты режиссера, гримерши и костюмерши — пригласили его подкрепиться, расстелив на траве одеяло, что Бог послал лучок, картошечку, котлетки с майонезом, чай. Незатейливую русскую пищу. Изголодавшийся, Игорь с удовольствием и аппетитом принялся за еду.

— Ну вот! Жрать набросился! А мы тут с утра ждем его голодные, — раздался голос сидевшего рядом со мной парня.

Тальков чуть не поперхнулся. Отложив в сторону ложку, он встал и, повернувшись в нашу сторону, сказал: «Кто это сказал?» Молчание. «Я спрашиваю еще раз, кто это вякнул?» Голос его прозвенел как туго натянутая струна. Обидчик опустил глаза.

— Ну ладно, я тебя еще достану на съемках в кулачном бою в батальных схватках! — устало произнес Игорь на тон ниже глухим голосом.

Девочки старались отвлечь своего незаслуженно обиженного кумира. Тальков постепенно остывал, разминая между пальцами сигарету.

Но вот ему подвели резвого жеребца. Одним махом Игорь очутился в седле и, на лету схватив брошенный ему меч, с гиканьем и посвистом помчался во весь опор вокруг поляны. Во все стороны полетели темные комья земли. Сделав большой круг, он легко соскочил с коня, но разминка на этом не закончилась. Дюжий каскадер, с накаченными бицепсами и трицепсами, с ятаганом и круглым щитом, с диким выражением лица, стал наступать на Игоря, со свистом рассекая воздух ятаганом. Тальков ловко и непринужденно, стремительно отражал посылавшиеся на него градом удары. Надо сказать, Игорь был не хилым парнем. Достаточно плотен, среднего роста и веса, мускулист. Во его движениях чувствовалась предварительная определенная подготовка.

Сгустились сумерки. Вечерело. Птичий хор постепенно замолкал. Режиссер попросил нас собраться в лесу. Хворост и набросать его на проволоку, подвешенную на кольях, вокруг поляны. Мы еще пока не понимали задумки режиссера. Всех попросили занять свои места. Ратники дружины воеводы скрылись в глубине чащи. А мы — «татары» — расположились табором у своего стойбища у шатров и арб на овечьих шкурах у костра.

А вот прибыла и кавалерийская мосфильмовская часть во главе с молодцеватым, подтянутым майором с лихо закрученными усами. Хромовые сапоги его горели, как огонь. Спрыгнув с коня, он дал команду всадникам сгруппироваться в дальнем конце поляны. Показался бензовоз. Проезжая по краям поляны, он усердно поливал соляркой брустверы хвороста. У меня внутри ощущалось нарастание напряженности.

— За-жи-гай! — крикнул истошным голосом пиротехникам режиссер.

Мы «татары» оказались в огненном кольце и в испуге вскочив на ноги, замесались вокруг шатра. С дальнего конца поляны вместе со шквалом огня, с разбой-

Мир. Россия. 1993. — 24 сент. — с. 24

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ

ничий свистом на нас летела конница. Развевающиеся знамена, всадники, с пиками наперевес, с улюлюканьем и гиканьем. Зрелище неописуемое! В общем, как в кино! Во главе конницы — князь Серебряный — Игорь Тальков. В струящемся на ветру пурпурном шелковом плаще, в кольчуге, латах, с саблей в правой и легким щитом в левой руке.

— Защищайтесь! — проорал в мегафон режиссер.

На меня грудью навалилась лошадь с всадником. Я оказался под ней. «Задавит скотина!» — пронеслось в ошалевшей голове. Ничуть не бывало! Переступая с ноги на ногу, лошадь перешагивала четко через меня. Вот это да! Дрессура!

— Лучники вперед! — крикнул князь — Тальков.

Отряд лучников выступил из леса и осыпал нас тупыми стрелами, не причинив нам никакого вреда. Надо же?! Расступившись, лучники пропустили сквозь свои ряды отряд копьеносцев. Этого еще только нам не хватало! И все на нас, бедных «татар»! Какой-то мужик с «копьем» в руке, с перекосенным лицом и со сбившейся на сторону бородой из паки, в серяге, лаптях (нищета!), в картонном шлеме сунул мне в грудь свою дыню.

— Куда прешь! Киль манда! Разрублю как гнилую дыню! — замахнулся я алюминиевым «ятаганом» прямым как полумесяц.

Так повторялось раз за разом. Сняли несколько дублей, и режиссер прокукарекал:

— Перерыв! Баста!

Мы собрались у костерка. Похолодало. Поеживаемся. Донимали комары-кровопийцы. Достали сигареты. Задымили. Вдруг к нам подошел сам князь, в доспехах и с оружием, разгоряченный, еще не остывший после батальных сцен.

— Разрешите, воины, покурить у вашего костерка? Хотя я и князь, но татар я уважаю!

— Ради аллаха! Алейкум салам! — подыграл я Талькову по роли.

— Игорь, извини меня за обиду во время трапезы, — сказал тот, кто днем сделал неуместный выпад в адрес Талькова.

— Ладно, забудем, жизнь все спишет, — ответил Игорь тихим хрипловатым голосом.

Еще до съемок, перед началом, я искал повод, чтобы подойти к певцу, взять автограф и предложить ему одну из своих песен. Здесь, у костра, сделать это было очень просто. Но что-то сдерживало меня. Навалилось какое-то предчувствие. Как ни старался, не смог разомкнуть зубы. Сидел, молча уставившись в костер, в каком-то оцепенении.

— О чем вздыхаем? — спросил Игорь.

Я пожал плечами и ничего ему не ответил на его вопрос.

— Все по местам! — прокричал режиссер.

— Повторяем картину боя.

— Бензовоз — огня!

— Пиротехники, приготовиться! Мо-то-ор! Съемка!

Шел первый час ночи.